

ПАМЯТИ БОРИСА ФЕДОРОВИЧА ЕГОРОВА

3 октября 2020 года на 95 году жизни скончался Борис Федорович Егоров, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник-консультант Санкт-Петербургского института истории РАН, заместитель председателя редколлегии серии «Литературные памятники», член Союза писателей Санкт-Петербурга, член петербургского ПЕН-центра. Борису Федоровичу удалось столь многое сделать за свою жизнь, что перечисления научных трудов, разнообразных форм служения науке и гуманитарному образованию достаточно было бы для объемного некрологического текста. Но за многочисленными научными трудами (а список их давно перешагнул за цифру 700) — неповторимое обаяние личности, безупречный авторитет ученого и безупречная человеческая репутация.

Борис Федорович умел не только много трудиться, он умел жить. Круг интересов его всегда был достаточно широк. В юности увлекался математикой и химией, но выбрал все же филологическое образование (закончив в 1948 году филологический факультет ЛГУ). Позже, уже во время заведования кафедрой русской литературы в ЛГПИ им. А. И. Герцена, он собрал вокруг себя группу молодых сотрудников и аспирантов, чтобы они совместно с центром робототехники при Ленинградском институте авиаприборостроения, под руководством проф. М. Б. Игнатьева, взялись за структурный анализ литературных сюжетов, который выявлял бы типы связи между персонажами, что могло пригодиться для конструирования роботов и их «взаимодействия».

Своим ученикам-аспирантам он казался человеком эпохи Возрождения: жажда, азарт жизни проявлялись во всем и в разнообразных формах; в любви к розыгрышам, к шуткам; в потребности — вместе с тем — в сосредоточенном и даже аскетическом труде; в интересе к политическим событиям и одновременно — в способности смотреть на них со стороны.

Каждый из этапов пути Б. Ф. Егорова и обусловлен определенными внешними факторами, и определен его личностью, собственным выбором и способностями. В 1952 году он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском педагогическом институте им. М. Н. Покровского и начал работать преподавателем в Тартуском университете, а с 1954 года заведовал кафедрой русской литературы, куда пригласил Ю. М. Лотмана (преподававшего в Тартуском учительском институте).

У Бориса Федоровича были великие учителя и замечательные, верные ученики. Но главное — он был великим другом великих людей. Дело не только в том, что он помог своему другу Ю. М. Лотману создать тартускую семиотическую школу, обеспечил условия для ее существования. В Тартуском университете под редакцией Б. Ф. Егорова издавались «Труды по русской и славянской филологии», которые достаточно скоро приобрели общесоюзную и международную известность. Руководимая Борисом Федоровичем кафедра русской литературы Тартуского университета оказалась одной из тех точек опоры, благодаря которым русская интеллигенция сохранила достоинство, выстояла. И память о ней останется навсегда.

В 1962 году Б. Ф. Егоров возвращается в Ленинград и становится доцентом кафедры русской литературы в ЛГУ, в 1967 году защищает докторскую диссертацию, а с 1968 по 1978 год заведует кафедрой русской литературы в ЛГПИ им. А. И. Герцена. Пора заведования в Герценовском институте стала «золотым веком» кафедры, — для чтения лекций приглашались крупнейшие ученые страны, и эти лекции фактически были открытыми: слушать С. С. Аверинцева, Г. А. Бялого, Ю. М. Лотмана приходили со всего города.

Перейдя в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР, Борис Федорович получил возможность заниматься прежде всего научно-исследовательской работой. И оказалось, что для его трудов органичны не только историко-литературные исследования, но также культурологические и собственно исторические, о чем говорят сами названия его книг: «Петрашевы» (Л., 1988); «Из истории русской культуры (XIX век)» (М., 1996); «Российские утопии. Исторический путеводитель» (СПб., 2007); «Обман в русской культуре» (СПб., 2012).

Уникальность научного подхода и человеческого взгляда Бориса Федоровича заключается, может быть, прежде всего в его способности одновременно заниматься теми деятелями отечественной литературы и общественной мысли, которые в истории России нередко оказывались оппонентами или даже противниками. Так, он автор работ о революционных демократах (Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского. М., 1982; Н. А. Добролюбов. М., 1986) и о славянофилах (составление, со вступительной статьей и комментариями изданий: «А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы» (Л., 1969); «А. С. Хомяков. О старом и новом. Статьи

и очерки» (М., 1988)). И к тем, и к другим Б. Ф. Егоров подходил максимально объективно: личные симпатии исследователя никогда не определяли тональность статьи и интерпретацию тех или иных явлений. Но в сущности, таковы и должны быть историко-литературные работы, предоставляющие читателям обнаруженный в архивах материал, обстоятельный комментарий, анализ мировоззрения изучаемого автора, поэтику его произведений. При этом можно заметить, что Бориса Федоровича интересовали именно полемические, переходные эпохи в истории общественной и эстетической мысли. Он первым из ученых-филологов, сформировавшихся в советскую эпоху, но во многом вопреки ее идеологическим стандартам, воссоздал в своих статьях и книгах объективную картину истории русской критики и общественной мысли XIX века — творческие образы В. П. Боткина и А. С. Хомякова, А. А. Григорьева и И. С. Аксакова, очертил подлинную идейно-эстетическую эволюцию В. Г. Белинского, последовательно отвергая шаблоны господствовавшего «партийного» литературоведения.

Собранные вместе труды Бориса Федоровича Егорова позволяют увидеть уникальное разнообразие эстетических и социальных концепций в России XIX века. Пребывая в другом столетии, мы можем симпатизировать тому или другому направлению мысли и на каком-то этапе удалять из образовательных программ те или иные имена и школы (в середине XX века в вузах не изучали славянофилов, а теперь вытеснены революционные демократы). А ведь гораздо интереснее и плодотворнее проследить их непростые взаимоотношения с учетом исторического и литературного контекста, что и осуществлялось в трудах Бориса Федоровича.

Можно только удивляться — с восхищением — тому, как много он успевал делать — выполнять обязанности зам. главного редактора «Библиотеки поэта» (с 1962 по 1968 год), председателя редколлегий «Литературные памятники» (с 1991 по 2001 год), главного редактора биографического словаря «Русские писатели. 1800–1917» (с 2011 года).

Борис Федорович — историк литературы, историк культуры и, хочется сказать, историк как таковой — в том смысле, что он ощущал себя человеком, ответственным за историю и за сохранение всех материалов, ее выражающих. Это проявлялось в уникальной способности сберечь документы, которые кому-то другому могли бы показаться незначительными. Он хранил все письма, почтовые открытки (полученные и свои), любые материалы, в которых видел след времени, вел дневник, издал воспоминания — и именно благодаря бережно сохранным документам эпохи мы можем читать изданную с комментариями переписку ученого с Ю. М. Лотманом и З. Г. Минц, вышедшую уже двумя изданиями, книгу «Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана» (М., 1999). Уже четыре года спустя после смерти своего ближайшего друга он сумел выпустить в свет фундаментальное издание — «Письма» Ю. М. Лот-

мана (М., 1997); возражая скептикам, указывавшим на «преждевременность» публикации подобных документов, горячо отстаивал свое право на это: только свидетель и участник событий, в них затрагиваемых, способен прояснить и прокомментировать многие из тех реалий, которыми насыщены эти конкретные знамения эпохи. Столь же пристальный и заинтересованный подход к материалу демонстрируют его монографии, запечатлевшие жизнь личности в ином, уже ушедшем в прошлое историческом контексте («Аполлон Григорьев» (М., 2000); «Боткины» (СПб., 2004)).

Может быть, именно это осознание исторической значимости каждой личности позволяло Б. Ф. Егорову с таким интересом относиться ко всем тем, кто встречался на его пути. И ему платили тем же. Уже в очень зрелом возрасте Борис Федорович совершил поездку, о которой давно мечтал, — на поезде, через всю страну, до Дальнего Востока и обратно. Поезд дальнего следования в крупных городах останавливался минут на 30, и к вагону, в котором ехал Борис Федорович, каждый раз подходили, подъезжали его прежние знакомые — ученики, младшие коллеги, бывшие ФПК-ашники, разбросанные по российским городам. Учеников и хороших знакомых хватало на всю дальнюю дорогу, и Борис Федорович потом рассказывал об этих трогательных, замечательных встречах.

В жизни Б. Ф. Егорова есть некая уникальная осуществленность и завершенность. В честь 90-летия ученого был выпущен сборник (более тысячи страниц!) — «Острова любви БорФеда» (редакторы-составители А. Дмитриев и П. Глушаков. СПб., 2016). Борис Федорович не мог пожаловаться на недостаток любви к себе. Он имел многочисленных учеников; был окружен не только уважением — как крупный ученый и человек универсальных знаний, но и — теплотой, радостью, что бывает только в общении с душевно и духовно близким человеком. Поэтому ни одна из его многочисленных научных работ не оставалась без внимания. И все-таки можно предположить, что нашему XXI веку еще предстоит более глубокое прочтение наследия выдающегося ученого — на новом витке научного и общественного развития. Представляется, что стоит задуматься над этим уникальным опытом жизни, в котором живая, непосредственная реакция на исторические и политические коллизии своего времени сочеталась с более широким, можно сказать — эпическим взглядом на историческую реальность; в этом опыте жизни было обретено и сохранено чувство общественной, научной и духовной всеохватности, смелости, щепеливости и честности.

*Е. И. Анненкова,
В. Е. Багно,
В. В. Головин,
А. П. Дмитриев,
А. В. Лавров*